

нас о боевых действиях в лесах и горах Крыма, интересовался нашим самочувствием, настроением. Под конец сказал:

— Партизанская война в Крыму не должна затихать. Через некоторое время мы думаем снова послать в тыл врага большой отряд партизан. Пойдут только добровольцы. Приказывать никому не будем. Завтра начнется запись желающих. Пусть каждый подумает об этом и решит.

Когда секретарь обкома ушел, мы начали «думатель». Это было не спокойное раздумье, а серьезный, прямой разговор. Один из партизан (фамилию его я забыл) сказал:

— Чтобы я еще раз пошел в этот ад? Да ни за что на свете! Пухнуть с голода, воевать без медицинской помощи, без отдыха... Пусть попробуют другие. Я партизанской жизнью сыт по горло! Пойду в армию, на фронт.

— Дело добровольное, — сказал Самойленко. — Я думаю так: на нас свет клином не сошелся, откажемся — пошлют других. Но вспомните первые дни нашей жизни в лесу. Как нам было трудно, сколько ошибок сделали, сколько людей погибло из-за неопытности. И те, которые поедут вместо нас, снова должны будут пройти через это, чтобы научиться по-настоящему бить врага. А мы с нашим опытом партизанской борьбы уйдем в действующую армию, и там этот опыт пригодится мало.

— На фронте тоже война, а не булки с маслом.

— Э-э, не скажи. На фронте враг только впереди тебя. А за тобой кухня с кашей, медсанбат, старшина с теплыми портняжками. Да сто граммов наркомовских...

Разговор стал еще горячей. Началась критика и самокритика.

— О чём мечтает вояка, который не хочет вернуться в Крым? Он мечтает пожрать масляной каши, надеть сухие портняжки и выпить сто граммов водки. А о том, что в Крыму сидят гады-фашисты, он не думает.

— Дело, которое мы начали в Крыму, мы должны и закончить. Как бы ни было трудно в тылу врага, нам будет все же легче, чем другим, новичкам. Я запишусь в партизаны, — сказал один из бойцов.

— И я!

— И я!

Меня очень обрадовал этот разговор. Сначала мне

казалось, что обратно в тыл пойдут единицы, но я ошибся. На следующий день списки добровольцев были составлены. Большинство решило вернуться в лес. Продолжать борьбу в тылу врага изъявили согласие Матвей Гвоздев, Григорий Глущенко, Александр Новицкий, Павел Кучеренко, Иван Казаков, Николай Спаи, Михаил Самойленко, Христофор Чусси, Анна Науменко, Михаил Апазов, Дина Путятиня, Мустафа Селимов, Анна Мещерякова, Мамутов, Вахтин, Бобров и многие другие, всего 65 человек. Всех добровольцев свели в один отряд.

За время, проведенное нами в тылу врага, нам выдали деньги из расчета среднемесячной заработной платы, которую получал каждый перед вступлением в партизанский отряд. Партизаны обзавелись костюмами, стали наведываться в город и на рынок за фруктами и овощами. И что греха тант儿 — в госпитальные палаты проникла «чача» — кавказский самогон.

Запомнились первые выходы в город. После пережитого все здесь казалось необычным: большое движение, театральные премьеры, толпы людей у репродукторов.

Но все же это был уже не тот веселый, светлый город-здравница, каким он был до войны. Безды были видны следы тяжелых военных испытаний. Прекрасные санатории-дворцы стали госпиталями, на полках магазинов, некогда ломившихся от всевозможных изделий и продуктов, — только самые необходимые товары.

За первыми покупками на базар послали Суполкина и дядю Колю. Возвратились они с полными вещмешками. Чего только здесь не было: рыба, слоеные пирожки, сгущенное молоко, белый хлеб, «чача».

— До того отвык от мирной жизни — представить трудно! — удивлялся Суполкин. — А она ключом бьет! Иду, значит, к базару. Смотрю — на посту милиционер. Все у него чин по чину — фуражка с красным околышем, палочка полосатая в руках, портупея через плечо. Справшиваю у него, как пройти на базар. Он под козырек берет и вежливо объясняет. А потом так же культурно спрашивает: «Издалека будете?» «Отвечаю: крымский партизан». Он снова под козырек, улыбается: «Пойдемте, говорит, провожу вас к базару». И руку мне пожимает. Я тут не выдержал, расчувствовался, обнял милиционера и расцеловал. Люди вокруг собрались. Не всегда ведь такое увидишь — милицию целуют. А он объясняет, дескать, граждане, этот товарищ — партизан, только из

Крыма возвратился. Что тут было! Народ бросился ко мне, все поздравляют, вопросы задают, в гости приглашают...

— И когда ты, Ваня, брехать перестанешь, — перебил Суполкина дядя Коля. — Ты правду говори, как я. Ведь как дело было? Иду я и вижу, что нашего Ваню волокут в отделение. Спрашиваю, в чем дело? Говорят, продукты взял, а деньги не уплатил. Поймите, говорю, товарищи, человек больше года снабжался по безналичному расчету, оружие у немцев брал — не платил, обоз с продуктами отбил — без копейки, штаны у немецкого фельдфельда взял бесплатно. Он, говорю, это сделал не по уму, а по привычке. Войдите, говорю, в его положение и, учитывая его пролетарское происхождение, отпустите с миром...

Партизаны и сам Суполкин покатывались со смеху над выдумкой дяди Коли. Он точно подметил, что мы отвыкли от денег, от всего распорядка мирной жизни.

Не верится, что нашему общему любимцу и весельчаку Николаю Спиридоновичу Спай уже 54 года. Когда наша армия оставила Бахчисарай, дядя Коля застрял в городе. Около двух месяцев присматривался он к «новым порядкам», но не смирился с фашистским ярмом и ушел в партизаны.

С немцами у Спай старые счеты — еще с 1918 года, когда он чудом спасся от расстрела. Теперь партизан гражданской войны стал нашим лучшим разведчиком. Бывало, придет с операции, а через день снова просится в разведку. Надоело без дела сидеть, говорит, руки чешутся...

В тяжелые голодные месяцы сорок второго года, с апреля по сентябрь, он регулярно участвовал во всех продовольственных операциях. А сейчас снова собирается в Крым, в тыл врага. Я ни разу не слышал от дяди Коли, чтобы он прямо сказал о своей любви к Родине, но я знал и видел, что он беспредельно предан делу партии и любит родную землю всей душой. Никто не подумал бы осудить человека, которому идет шестой десяток, если б он отказался от новой переброски в тыл врага. Он уже заслужил право спокойно работать где-нибудь вдали от фронта. Но Николай Спиридонович первым записался в сводный партизанский отряд. Что заставило старого человека вновь идти на лишения, на

Слева направо: Н. Спани, Е. Ширшова, И. Третьяк, сидит Х. Чусси.

суро́вую и беспощадную борьбу, в огонь партизанских схваток? Только высокое чувство патриотизма, любовь к советской Отчизне. И прав тысячу раз сочинский любитель-фотограф, который написал на карточке, где снят дядя Коля с друзьями: «Золотой наш народ на отдыхе в Сочи».

Между тем мы со всей серьезностью начали боевую учебу и подготовку к переброске в тыл врага. Отдых кончился, из госпиталя нас перевели в гостиницу, была организована партизанская столовая. Учебу начали с изучения основ подрывного дела. Каждый партизан подробно изучил устройство различных мин, приобрел навык в обращении с детонаторами, с бикфордовым шнуром, с колесными замыкателями. На учебном полигоне мы взрывали железнодорожное полотно — целыми днями над полем грохотали взрывы, расстилались дым и пыль.

На аэродроме выделили для нас несколько самолетов У-2, каждому вручили парашют. По утрам, надев парашюты и повесив автоматы на грудь, мы строем, четко отбивая шаг, отправлялись на аэродром. С самолетов прыгали по многу раз: были прыжки на точность при-

землении, учились прыгать в лес. В заключение каждый сделал по нескольку прыжков с большой высоты. Кроме этих сугубо партизанских наук, нас учили маскировке, окапыванию, перебежкам, ведению огня в лесу и в горах, тренировали в бросании гранат. В классах мы изучали немецкий язык, боевую технику врага. Регулярно проводились политзанятия. Командиры осваивали тактические приемы партизанской войны.

Учились много, серьезно, упорно, так как хорошо понимали, что это необходимо. Впереди нас ожидали решающие схватки с врагом.

В напряженной учебе прошел март 1943 года. Закончив учебную программу, мы со дня на день, ожидали отправки в Крым. Но проходила неделя, другая, а команды все не было. Мы с волнением читали сводки Совинформбюро. С фронтов шли радостные вести, на решающих участках наши славные воины перешли в наступление и гнали врага на запад. Только мы в буквальном смысле слова сидели у моря и ждали погоды. На Черном море бушевали штормы, десант на крымскую землю пока был невозможен. Нельзя было перебросить нас и по воздуху. Над морем и полуостровом все время стоял туман, о посадке на партизанском аэродроме нечего было и думать.

В ожидании прошел апрель. Партизаны томились, нервничали: стыдно сидеть на курорте в такое горячее время.

Лишь в середине мая установилась летняя погода. Обком партии предупредил нас — готовьтесь! У нас теперь было все необходимое для борьбы — лучшее автоматическое оружие, мины, взрывчатка, радиостанции. Нас обеспечили продуктами, хорошо одели. У всех на груди сверкали ордена и медали. Родина высоко оценила наше участие в войне за линией фронта.

Итак, мы были готовы к полету. Но как назло погода испортилась снова.

Лишь в первых числах июня нам разрешили вылет. Провожающих было много. Представители обкома партии, других областных организаций, сочинцы, раненые красноармейцы и командиры пришли пожелать нам доброго пути. Не обошлось без слез. Многие партизаны, особенно молодые, оставляли в Сочи любимых. Были и такие, что успели здесь жениться.

Настроение у всех приподнятое. Звучала музыка.

Миша Самойленко затянул на мотив песни «Вечер на рейде»:

Нас ждет жаркий бой
В лесах под Мулгой,
Где горы окутал туман.
Нас песня зовет к победе — вперед!
И тихо играет барабан.

Партизаны дружно подхватили припев. Пели с душой, с чувством. Ведь каждый был взволнован предстоящим отлетом.

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в горы.
И ранней порой
Мелькнет за спичкой
Зеленый мешок вещевой.

Последние рукопожатия. Сели в машины и через час сошли на аэродром в Адлере. Здесь нас ждали два «дугласа». Взревели моторы, самолеты, плавно оторвавшись от земли, поднялись в воздух.

Когда пролетали над Сочи, все придвигнулись к иллюминаторам и смотрели на город, в котором провели такие хорошие дни. Неотрывно глядел вниз Матвей Гвоздев. Может быть, он надеялся еще раз увидеть ту, к которой обещал вернуться после войны, после победы...

Подлетели к Туапсе. Но нам не повезло. Над городом возникли букеты зенитных разрывов. Оказывается, фашистские самолеты бомбили порт, а наши зенитки неистово палили по ним.

Честно говоря, все стали «скучными». Еще этого не хватало — погибнуть от снаряда своей зенитки! Дядя Коля и тут не утерпел — начала рассказывать очередную историю:

— Точно так и со мной было. Иду раз по Бахчисараю — вижу, грузчики дерутся. Пройду, думаю, мимо — не тронут. И что вы думаете — прохожу, а мне по уху раз, два, синяк под глазом три. Это, видать, за невмешательство. Вот и мы сейчас с божьей помощью пройдем мимо...

— Уж лучше бы пешком в Крым идти, — невесело пошутил Александр Новицкий. — Натянул глубокие калоши и топай себе по волнам.

Действительно, картина не из приятных. Разрывы всем близко. Кажется, осколки вот-вот полоснут по фюзеляжу. Но, к счастью, все обошлось благополучно. Самолет свернул дальше от берега.

Однако не суждено было в этот вечер приземлиться на крымской земле. Над Судаком нас засекли прожекторы. Опять небо озарились пламенем разрывов, с той лишь разницей, что теперь били враги. Миновав полосу заградительного огня, воздушные корабли взяли направление на Севастополь. Шли над родными лесами. Но внизу было темно, костры не горели. Значит, вблизи партизанского аэродрома находился враг. Ничего не подлаешь, пришлось возвращаться в Адлер.

На следующий вечер вылетели вновь. На этот раз море пересекли благополучно и путешествие в Крым прошло без неприятных сюрпризов. В зуйских лесах нашего прибытия ждали. Ярко пылали партизанские костры.

Площадка, на которой мы приземлились, находилась в нескольких километрах от деревни Баксан (Межгорье), где располагался крупный вражеский гарнизон.

Итак, мы снова на партизанской земле, снова среди боевых друзей. Опять начнутся бои, начнется суровая лесная жизнь. Но это не пугает нас. Мы твердо верим, что впереди радость победы над врагом.